

С РАБОЧЕГО СТОЛА УЧЕНОГО

С.Г. Шейдаева

«ВИДЕЛ ТОЛЬКО ЧТО-ТО СИНЕЕ...»

(ИМЕНОВАНИЕ В СИТУАЦИЯХ ЗАТРУДНЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ)

Окружающий мир воспринимается нами пятью органами чувств: зрением (внешние характеристики объектов), слухом (восприятие звуков), органами осязания (ощущения, получаемые от прикосновения кожи к чему-нибудь), обоняния (распознавание запахов) и вкуса. Давно замечено, что среди значений, порожденных чувственным восприятием мира, наиболее развиты и тонко дифференцированы в языке зрительные впечатления. Напротив, значения, относящиеся к результатам слухового и, в особенности, вкусового, обонятельного, осязательного восприятия, в большей степени диффузны, внутренне дискретны. Трудно, например, сформулировать признак, отличающий вкус вишни от вкуса яблока, запах левкоя от запаха сирени или ландыша, – пишет Н.Д. Арутюнова¹.

Лексика незрительного восприятия в русском языке сравнительно бедна. В речи обычно используются словосочетания с названием конкретного предмета: *вкус вишни, запах сирени*. Как отмечают исследователи, самой малочисленной среди эмпирических прилагательных является группа слов, характеризующих запахи.²

В ходе эксперимента, который проводился нами в рамках спецкурса по ономазиологии (Ижевск, УдГУ), студентам было предложено назвать некий предмет, показанный им на доли секунды (коробочка с гремющими внутри дискеттами). В результате во всех наименованиях промелькнувшего неизвестного предмета (25 единиц) оказалась отраженной его форма («какая-то коробка», «что-то вроде шкатулочки», «мельница») и лишь в двух случаях еще и

звук, причем один раз – косвенно (мельница – «внутри стучит мыло»).

В процессе естественного восприятия и распознавания предметов возникает также немало помех, связанных и с самим познающим субъектом, и с тем, что во внешнем мире свойства объектов могут проявляться с разной степенью интенсивности и не всегда поддаваться точному обозначению при помощи языковых средств.

Нас привлек рассказ В.М. Гаршина «Четыре дня» (1877 г.), в котором использовано достаточно много неопределенных номинаций типа «что-то красное»; «что-то темное, высокое»; «что-то острое и быстрое» – всего 12 на 11,5 страницах текста. Весь рассказ представляет собой воспоминания героя о его ранении на поле боя, о том, как он лежал четыре дня в лесу, не найденный санитарями. Известно, что сам Гаршин был участником русско-турецкой войны, начавшейся в апреле 1877 г., был ранен в сражении при Аясларе (Болгария), и этот рассказ написан под свежими впечатлениями пережитого на войне.

Герой рассказа «привязан» к одной точке пространства, он практически не может сдвинуться с места, и информация поступает к нему только по зрительному и слуховому каналам, которые к тому же иногда отказывают: «я увидел»; «я вижу»; «нужно повернуть голову, чтобы посмотреть»; «я открываю глаза, вижу те же кусты»; «ничего я не вижу сквозь них»; «я слышу»; «я от слабости ничего не слышу»; «не могу расслышать» и т.д. (к числу слуховых оценок относятся также слова, передающие полное молчание).

Вообще-то, перед нами не собственно поток речи, а, скорее, поток мыслей человека. Автор словесно оформляет то, что ощущал и о чем думал его герой, лежа один в лесу после ранения. В момент непосредственного восприятия окружающей действительности внешняя речь отсутствовала. Наличие неопределенных номинаций в тексте отражает незаконченность когнитивного процесса в сложной для человека ситуации. «Именованию фрагментов действи-

¹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С.42.

² Григоренко О.В. О некоторых особенностях отражения в языке процессов чувственного познания мира // Материалы Первой междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике: В 2 ч. Ч. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. С. 51-54. (С. 52).

Светлана Григорьевна Шейдаева — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории языка и речевой коммуникации Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

тельности предшествует процесс их понимания субъектом»³.

В рассказе из общего количества номинативных единиц с неопределенной семантикой шесть – чисто *зрительные* (две из них связаны с воспоминаниями героя из довоенной жизни, а не с наблюдаемым пространством), одна – чисто *слуховая*, кроме того, в пару соединены одна слуховая и одна зрительная номинации, а также два наименования отражают внутренние ощущения героя. Во всех случаях неопределенные номинации имеют грамматическую категорию среднего рода, которая, конечно же, обусловлена самой формой местоимения «что-то», однако безликость среднего рода добавляет дополнительный оттенок неясности, неопределенности в семантику наименований (что это – предмет? зверь? человек?).

В группе номинаций, отражающих *визуальные* признаки предметов, в четырех случаях зафиксирован цвет, в одном – размер, в двух – сочетаются признаки цвета и размера. Вот два примера фиксации в неопределенных номинациях *цветового* признака объекта: «Сквозь опушку показалось *что-то красное*, мелькавшее там и сям», «Я не слышал ничего, а видел только *что-то синее*; должно быть, это было небо. Потом и оно исчезло». В первом случае герой замечает яркий цвет, выделяющийся на общем фоне, хотя носитель этого цвета так и остается неузнанным. Возможная логика дальнейшего осмысливания такова: это люди (так как цветовые пятна двигаются, значит это не предметы, но и не животные, поскольку они обычно не имеют такого цвета).

В первом примере объект сам попадает в поле зрения наблюдателя (зрительное восприятие, в отличие, например, от вкусового, отражает и статику, и динамику) – «показалось что-то», а во втором случае объект статичен и активен сам человек, который, лежа на спине, открывает глаза и смотрит вверх. В обоих примерах один *цветовой* признак позволяет герою верно, хотя и предположительно, идентифицировать объект. Узнавание по одному признаку оказалось возможным благодаря старым знаниям: субъект видит нечто синего цвета в определенном месте – вверху. Сам путь скрытой логической цепочки подобен здесь структуре загадки: синее и вверху – что это? (небо).

В других случаях, когда в подобных единицах обозначения фиксируется по два зри-

тельных признака (цвет и размер), номинативно-когнитивная структура фрагмента текста завершается полной идентификацией объекта зрительного восприятия: «Надо мною – клочок черно-синего неба, на котором горит большая звезда и несколько маленьких, вокруг *что-то темное, высокое*. Это кусты. Я в кустах: меня не нашли!»; «В ту минуту, когда я собираюсь лечь, широкая бледная полоса лунного света ясно озаряет место, где я лежу, и я вижу *что-то темное и большое*, лежащее шагах в пяти от меня. Кое-где на нем видны блики от лунного света. Это пуговицы или амуниция. Это – труп или раненый».

В обоих примерах *цветовой* признак связан со световыми ощущениями, характером освещенности предмета: «вокруг что-то темное», «я вижу что-то темное». Сам по себе этот признак никакой дифференцирующей силы не имеет, он чисто выделительный: герой замечает лишь некоторое сгущение темноты в определенном месте, свидетельствующее о присутствии какого-то объекта. Вне контекста имеют малую различительную силу и оба *размерно-оценочных* признака, выраженных прилагательными – «что-то высокое» (размер по вертикали) и «что-то большое» (общий контур). В обоих случаях узнавание достигается благодаря вписанности объектов в пространственный фон: нечто «вокруг» субъекта («Это кусты»), нечто «лежащее шагах в пяти». В последнем примере заключительную точку в опознавании ставит добавочное *цвето-световое* ощущение – блики на металлических частях амуниции, хорошо известные герою из его прошлого опыта. В результате и наступает момент узнавания. Как писал Вл.Соловьев, «при всяком данном ощущении *вспоминаются прежние такие же ощущения* и через это *настоящее ощущение* узнается или различается в своем определенном чувственном качестве... Восприятие основано главным образом на деятельности воспоминания»⁴.

Чисто *слуховые* ощущения отражены всего в одном примере (для слуховой оценки характерно описание разнообразных звуков, связанных с проявлениями деятельности человека, общества, природы): «Одним ударом я вышиб у него ружье, другим воткнул куда-то свой штык. *Что-то не то зарычало, не то застонало*». Объект характеризуется через динамический признак, обозначенный глаголами, но при этом так ли уж неизвестен данный объект? Выше по

³ Романов Г.С. Номинация, референция и когнитивные структуры знаний // Языковая номинация. Тезисы докл. мевуз. науч. конф. Минск: МГЛУ, 1996. С. 37.

⁴ Соловьев Вл. Восприятие (чувственное) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 13. С. 281.

тексту это «что-то» прямо именуется «огромным толстым турком». Таким образом, в данном случае использование неопределенной номинации после названия совершенно определенного, конкретного – всего лишь стилистический прием, подчеркивающий смутность восприятия героя и «обезличенность» для него противника (здесь форма среднего рода для обозначения лица мужского пола особенно явно несет оттенок безличности).

Рассмотрим фрагмент, в котором это неопределенное «что-то» оказывается воспринятым сразу двумя каналами – слуховым и зрительным: «*Что-то хлопнуло, что-то*, как мне показалось, огромное пролетело мимо; в ушах зазвенело. “Это он в меня выстрелил”, – подумал я».

С одной стороны, двойное использование местоимения «что-то» свидетельствует о самостоятельности двух впечатлений – звукового («*что-то хлопнуло*») и зрительного («*что-то огромное пролетело*»), но, с другой стороны, субъект логически объединяет их как причину и следствие, в результате чего и становится возможным получение так называемого «выводного знания»: был выстрел. «Восприятие есть сложный и постепенный процесс, хотя обычно мы не сознаем раздельно его моментов»⁵.

Остальные случаи использования неопределенных номинаций связаны с *внутренними ощущениями* героя: «*Что-то острое и быстрое*, как молния, пронизывает все мое тело от колен к груди и голове, и я снова падаю. Опять мрак, опять ничего нет»; «Но вы с Машей, должно быть, и не услышите о моих муках. Прощай, мать, прощай, моя невеста, моя любовь! Ах, как тяжело, горько! Под сердце *подходит что-то...*» В обоих этих примерах на первый план выдвигается, казалось бы, активность названных объектов («что-то подходит»; «что-то пронизывает»), однако это всего лишь метафоры, так как описываются субъективные внутренние ощущения героя, а не материальные предметы внешнего мира. В первом случае называются такие признаки, как интенсивность ощущения («что-то острое») и длительность его во времени («что-то быстрое»).

Единственный пример *вкусового ощущения* находим в самом конце рассказа, когда герой уже найден санитарями: «Через полминуты мне *льют* в рот воду, водку и еще *что-то*. Потом все исчезает». Здесь оказываются опознанными из трех только две первые жидкости (вода и

водка), хорошо известные герою по предшествующему опыту, а третья обозначается неопределенно – «и еще что-то» (это либо какое-то новое вкусовое ощущение, либо нерасчлененность впечатления).

Таким образом, неопределенные номинации, выраженные *местоимением «что-то»*, используются в рассмотренном тексте для указания на реалии как внешнего, так и внутреннего мира. По своим функциям данные номинации являются, прежде всего, фиксаторами неизвестных или неузнанных объектов внешнего мира. В речи, в тексте неопределенное понятийное содержание местоимения сужается при помощи его качественной характеристики, а фоновые знания позволяют приблизительно очертить круг предметов и явлений, которые могут составить понятийное содержание субстанции⁶. Наиболее характерными функциями неопределенных местоименных слов в художественном тексте И.Н. Левина называет: «1) репрезентацию состояния окружающей среды; 2) фиксацию местонахождения персонажа в пространстве; 3) указания на область знания/незнания персонажа; 4) репрезентацию психического состояния персонажа; 5) репрезентацию физиологического состояния персонажа, а также 6) обозначения непонятного или неизвестного объекта»⁷.

Человек, попадая в новые, непривычные для него жизненные обстоятельства, оказывается перед необходимостью постижения новых связей и отношений между явлениями, предметами, людьми. Процесс познания мира, который длится всю жизнь, в такие моменты ускоряется, поскольку человек вынужден усваивать много новой информации и формировать новое знание для существования (выживания) в непривычной среде.

Важность актов именования для познания окружающего мира несомненна. Человек осознает и понимает только то, что может адекватно назвать; он постоянно ищет вербальное соответствие тому или иному факту действительности. Нередко известный объект приходится заново узнавать в новых обстоятельствах, и этапы процесса познания фиксируются в различных по степени точности номинативных единицах.

⁶ Пристинская Т.М. Семантический и прагматический аспекты приблизительных номинаций // Структура и семантика простого, сложного и осложненного предложения. Л., 1988. С. 44-53. (С. 49).

⁷ Левина И.Н. Функции неопределенных местоименных слов в произведениях А.П. Чехова // Синтаксис текста и текст синтаксиса. СПб: РГПУ, 1992. С. 112-118. (С. 113).

⁵ Соловьев Вл. Восприятие (чувственное) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 13. С. 281.